

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.zecd-et62

EDN: HACZXB

УДК 316.36

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЩЁЛКИН

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

ЛЮБОВЬ. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ ПО ПОВОДУ ТОГО, КАК «ЛЮБОВЬ ПОБЕДИЛА БРАК»

Аннотация. В статье обсуждается проблема «слепого пятна» социологии — ее неспособности адекватно охватить такие феномены, как любовь, если подходить к ним исключительно с функционалистских позиций, сводя их к социальным ролям или инструментальным функциям. Автор аргументирует, что любовь представляет собой самоценный, а не инструментальный феномен, и ее подлинная природа ускользает от анализа, ориентированного на «полезность» или «функцию» в обществе. Опираясь на кантовский императив о человеке как цели, а не средстве, работа подчеркивает необходимость иного — не редукционистского — теоретического подхода к изучению любви в социологии. Автор показывает, что в современном мире любовь уже не просто сопутствует браку, но фактически «побеждает» его традиционные институциональные функции. Вместе с тем отмечается сохраняющаяся амбивалентность: наряду с романтическим идеалом продолжают существовать прагматические модели брачного выбора, хотя их социальная легитимность снижается.

Ключевые слова: любовь, брак, социология, интимность, романтический идеал

Ссылка для цитирования: Щёлкин А. Г. Любовь. Социологическое эссе по поводу того, как «любовь победила брак» // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 30. — С. 78–98. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.zecd-et62; EDN: HACZXB

У кого есть цель в жизни и хорошая жена —
у того есть всё.

Г. В. Ф. Гегель

Несмотря на большие заслуги социологии перед обществом, в одном — и довольно существенном отношении — она (социология) остается в долгу перед социумом. Оказывается, есть случаи, когда объекты социологии попадают в зону «слепого пятна» этого социологического зрения и, попросту говоря, становятся для социологии «невидимыми». В какой-то степени это может происходить и по вине самой социологии. Ведь традиционно так сложилось, что социология в принципе считает свою задачу выполненной, когда тот или иной социальный феномен объяснен прежде всего с точки зрения ответа на вопрос, какую роль выполняет данный феномен в социуме. Подобный подход привычно называется функциональным, и он часто подвергался определенной критике за редукционизм и односторонность. Однако дело, по сути, в ином: есть ряд феноменов в человеческом обществе, которые не могут быть поняты «функционально» в принципе, т. е. как «средство, служащее» для реализации другого явления.

Есть явления, которые имеют смысл «сами по себе». Они «самоценные» и не могут рассматриваться как «средство». Эту проблему в свое время очень точно и глубоко почувствовал И. Кант, когда высказал суждение о том, что человек есть всегда «цель» и не может рассматриваться как «средство». Если же «социология» вопреки этому императиву интерпретирует человека под углом зрения «функции», «средства» и т. д., то человек как «самоценност» выпадает из поля зрения такого взгляда, попадает в зону «слепого пятна», о котором говорилось выше.

При этом человек — это мир человека, куда входит и то, что представляет предмет предлагаемого исследования, т. е. феномен любви. Говорить о любви в терминах «исполняющей роли», «функций» или «средства» для чего-то — это стрелять мимо цели. В этом случае мы просто имеем дело с «явлением», которое к подлинности любви не имеет отношения. Человек в состоянии любви никому не «служит», в этом состоянии он пребывает и чувствует себя «как дома». Это состояние «естественности» и «свободы» — свободы от «расчета», «интереса» и проч. «гетерономных целей».

Конечно, всегда найдутся «прагматики», «натуралисты» и «материалисты», которые увидят «оправдание» и «функцию» чувственной, сексуальной любви в некоей приманке, без которой особи, размножающиеся

половым путем, особенно высшие млекопитающие, окажутся «демотивированы» на это самовоспроизведение. Возможно, однако, такой подход к любви как «приманке» совсем нерелевантен, и сибирский биологический инстинкт достаточно силен и не нуждается ни в каких «приманках» и «ловушках», вроде бы сущих восторг и оргазм соития.

Что же тогда «приходится» на сферу любви в подлинном смысле этого слова? В каких же терминах тогда остается говорить о любви, соответствующей своей природе и истине?

«Цель», «смысл», «предназначение» любви

Вопрос о том, где лежит «цель», «смысл», «предназначение» любви — они «гетерономны», т. е. вне этой любви, или, наоборот, они «автономны», т. е. «пребывают» внутри ее и, значит, не определяются внешними «факторами», — вопрос этот не так схоластичен или запредельно абстрактен, как может показаться с первого взгляда.

Это старый вопрос о целях и средствах, и он *по сути своей* — внимание! — исключает дихотомический выбор: категорический вариант «или — или». Это видно по последствиям от такого выбора, буде он сделан.

Если мир выбирает путь исключительного доминирования «средств» — путь, который К. Ясперс определяет как «обескураживающий триумф средств над целями», то в итоге мы получаем самый удручающий результат: «Всё нашли, а человека потеряли» (Н. Рерих). Вот почему другому теоретику и общественному деятелю (первый председатель «Римского клуба») Аурелио Печчеи пришлось сформулировать в книге «Человеческие качества» повестку дня императивно и лапидарно: «Пора подумать о целях!»

Но «средства», прежде всего материальные, — это вовсе не те, что легко и беспечно могут быть принесены в жертву даже самым высоким ценностям — «человеку» и сопричастному ему «человеческому миру». Думаю, что мы не сильно отклонимся от темы предлагаемой статьи, если немного продолжим в этом направлении.

В социологии и социальной философии исконно различают «условия человеческого существования» и собственно «человеческое существование». Это означает, что «условия существования» могут быть и такими, когда говорить собственно о «человеческом существовании» (уж не говоря о таком человеческом шедевре, как любовь) не приходится. Один небезызвестный немецкий мыслитель называл этот случай нечеловеческого существования «старой мерзостью» истории.

Этот автор исходил из того, что достаточно развитый «мир средств», прежде всего технология и вообще материальные силы (причислим сюда и «социальные институты» в самом широком смысле), — это «*sine qua non*», непременность всякого общества, вступившего на путь цивилизации. Без этого, считает наш упомянутый автор, «имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (Маркс, Энгельс, 1955: 33). Воспользуемся на этом месте еще раз поводом, чтобы повторить, что в обстоятельствах запредельной материальной *нужды* действительно как-то даже неуместно говорить о возможности присутствия такого *свободного и стихийного* феномена, как любовь. — Как говорится, «не до любви!»

Собственно, о чем идет речь? — Точно так же, как «условия человеческого существования», *condition humana*, еще не отражают сущности самого «человеческого существования» и даже могут его исказить и быть недостойными этого «человеческого существования», так и любовь не сводится и не определяется обстоятельствами и средой обитания субъекта этой любви. И это обстоятельство может иметь с точки зрения людей, стоящих исключительно на «прагматических» и даже «циничных» позициях, неожиданные последствия — привести их к выводу, что любовь — вообще вещь никчемная и социально незначимая.

«Занятие бездельников»

Ввиду якобы непредсказуемого и непродуктивного поведения человека в состоянии любви эта любовь вслед за легендарным киником Диогеном часто диагностируется как «занятие бездельников». Эпоха раннекапиталистической прагматики не исключение. Наполеон подарил нам дефиницию любви, полную нескрываемого сарказма и идущую намного дальше Диогена: «Любовь — занятие бездельника, отдых воина и гибель государства». В более близкие к нам времена мы видели примеры рецидивов этой точки зрения, где приводились даже научно-психологические обоснования этой позиции.

В самом конце XIX в. в России выходит сочинение некоего М. Крашенинникова под названием «Влюбленность и ее лечение в древности и теперь» (Крашенинниковъ 1899). Надо полагать, что тема была довольно модной и популярной и что подобное издание не было раритетом и аналогичные брошюры выходили массовым порядком. Главный упрек

субъекту любви со стороны подобных авторов идет по линии волевой составляющей сущности человека: «Что влюбленность есть болезнь воли, это ясно видно из того несомненного и общепризнанного факта, что всякий влюбленный является именно безвольным или почти безвольным существом, жалкой игрушкой в рука предмета его страсти, жалким рабом своего собственного одностороннего стремления» (Крашенинниковъ 1899: 2). Но вот что небезынтересно. Спросим себя, а можно ли этот вроде бы несомненный факт — воля больше не контролирует поведения влюбленного перед лицом предмета любви — ставить в основу понимания сущности влюбленности? Если это так, то тогда встречный вопрос: а можно ли по-другому испытать экстаз, открыть для себя смысл влюбленности опять же как-то иначе? Похоже, что нет.

Гёте: «*Gefühle ist alles*». Чувство — это всё

И в этом плане следует обратить внимание, что сфера чувств — это не отдельная рядоположенность по отношению с такими способностями и характеристиками, как рациональность и воля. Более того, и не будем повторяться, рейтинг любви как «качество» человеческого состояния все-таки выше, чем значимость того состояния, в котором человек пребывает под знаком рационализма (оказывается: «ум — всех радостей палач», «горе от ума», «любовь возчика мулов слаще любви ученого», равно как в делах любовных воля не стимулирует чувственные порывы, скорее, к ней прибегают, чтобы «скрепить сердце» перед «опасностью» — «дай сердцу волю, заведет в неволю»).

Когда-то в эпохи более «романтические», чем сегодняшние времена «техницизма», «цифровизации», «искусственного интеллекта» (куда уж без него!), тем более не говоря о наблюдаемой тенденции у новых «IT-генераций» падения интереса к «сексу», — эта нерядоположенность любви и вообще ценность сферы сантиментов воспринималась со всей очевидностью. Достаточно сказать, что Гёте, «законнорожденный» сын Просвещения, с его знаменитым рационализмом, равно как и единомышленник Г. Гегеля, автора масштабной системы «рационалистического» идеализма, — тем не менее великий немецкий поэт и мыслитель провозглашает лозунг «*Gefühle ist alles*» («Чувство — это всё»). И помочь в понимании, что есть «чувство» и «чувство любви», приходит оттуда, откуда и не ожидаешь — от... социологии.

Профессор С. Климова, ссылаясь на одно социологическое исследование, приводит потрясающие свидетельства ошеломляющего «смятения чувств» у влюбленных девушек. Жизнь как будто сама ставит живой эксперимент. Интервью с этими «жертвами любви» свидетельствуют

о полном бессилии трезвой логики и часто о таком же полном действительно параличе воли перед напором переживаемых чувств. Речь идет о вполне знакомой ситуации — о безответной любви юных леди к предмету своих страданий, даже когда «никчемные» качества объекта любви для молодого женского сердца не составляют секрета.

Читаем эти свидетельства: «Я пробовала забыть его, но у меня ничего не получается. Я так сильно его люблю!» «Не могу без него жить!» «Только не говорите, что мне надо его забыть, я все равно не смогу». «Я безумно люблю одного парня!» «Мои чувства к нему кипят, как чайник на костре!» «Я просто обожаю одного парня!» «Я думаю только о нем и целыми днями все плачу и плачу». «Люблю его, хоть он и бабник». «Я не могу спать, не могу есть, а по ночам плачу». «Забыть его я не в силах, что только я ни думала» (Климова 2029).

Как проф. С. Климова комментирует результаты интервью? К сожалению, скорее узнаемо типично и стандартно. «Результаты интервью раскрыли социальную причину стремления к любви: это чувство дает человеку доказательство его полноценности во всей его деятельности, а не только в сексуальных отношениях» (Там же). Думается, что в нашем случае в «деле» любви человеку совсем не нужны «доказательство его полноценности во всей его деятельности, а не только в сексуальных отношениях». Похоже, что перед нами опять вариант «функционального» подхода, или, что то же самое, «прагматического» объяснения любви.

Еще раз, что хотел сказать Гёте своим легендарным выводом: «*Gefühl ist alles*» (Чувство — это всё)? В случае любви только это: любовь — это захватывающее чувство. Искусство изобилует примерами самой яркого драматизма и такой же убедительности. К рациональности человек прибегает разве что в случае, когда он хочет скорее не испытать, а пресечь ее.

При влюбленности «работают» как раз чувства, которые уместно назвать «страстями». Не через знание и созерцание, не через практику и волю открывается сущность и существование влюбленности. Как бы громоздко это ни звучало, но вполне уместно сказать, что как раз через чувства, через любовь человеку открывается *бытие* «другого» человека, того человека, которому выпал шанс стать объектом любви. Л. Фейербах по этому поводу отметил фундаментальной формулой: любовь к другим живым существам, солидарность с ними раскрывают передо мной истинное — реальное бытие: «любовь есть истинное онтологическое доказательство бытия предмета [вне нас]» (Фейербах 1955: Т. 1. С. 184–185).

В нашем случае формула Фейербаха интересна нам по причине спора с той точкой зрения, которая утверждает, что «влюбленность» как утрата чувства реальности ставит поведение влюбленного

в ряд «сомнамбулизма», «солипсизма», сплошного субъективизма и проч. На самом деле более проникновенный взгляд на «эти» вещи открывает другую картину. Как бы это ни противоречило внешнему впечатлению, любовь, а тем более влюбленность, — не самогипноз, не нарциссизм, не утрата «чувств реальности» и т. д. На самом деле, с сущностной точки зрения, это скорее прорыв через субъективизм, солипсизм и т. д., свойственные человеку, ведущему некоммуникативный, изолированный образ.

В случае любви / влюбленности у этого субъекта появляется, может быть, единственный способ, каким открывается физически и психологически мир *влюбленного(-ой)*. Говоря о прорыве этой асоциальной «герметичности» и этого первичного «солипсизма», можно вспомнить, что старые мыслители вполне владели пониманием этого. Ср. девиз Ф. Бэкона — «овладевать природой, подчиняясь ей». В нашем случае это то же, что сказать: предаться (отдаться) предмету любви до *самозабвения, до утраты себя* — это, конечно, не весь путь «познания другого», но первый и необходимый шаг в этом направлении. — Уместно напомнить в этой связи, что даже тот, кто поверхностно знает классику библейских текстов, помнит, что выражение «познать (женщину)» имеет самое что ни на есть «сексуальное» значение. Например, в Быт. 4: 1 сказано: «И познал Адам жену свою Еву, и она зачала и родила Кaina».

Человек в состоянии любви

Человек, таким образом, не только *носитель* (от слова «ноша») «брешмени» социальных отношений, не только *существо, дисциплинируемое и понуждаемое* трудом, не только жертва *не всегда благоприятствующих* обстоятельств и т. д., но он и субъект такого «состояния», как *любовь*. Остается при этом не забывать, что именно человеческая любовь по ходу развития цивилизации претерпевает эволюцию в сторону «самоценностей», равно как и сам «феномен человека».

Если человек в состоянии любви представляется таким вот «самоценным» феноменом, то в плане «дефиниции понятий», в плане определения понятия «человек» это вполне может иметь значимые последствия. Имеется в виду, так сказать, «методологическая» ориентация социума на то, как оно понимает «феномен человека» — чему человеческое сообщество может и должно способствовать и чему оно может и должно сопротивляться, или «тут человеческое, и мы обязаны остановиться!».

Возможно, при «дефинитивном определении» человека в контексте «любви» ссылка на Поэта может показаться слишком стихийным и анархическим аргументом. И все-таки есть резон отдать серьезный отчет, почему один поэт, поэт божьей милостью, говорит: «Только влюбленный человек имеет право на звание человека» (А. Блок. Незнакомка). Преувеличение? Поэтическая вольность и т. д.?

Прежде чем уступить этому нетрудному объяснению, кое-что следует вспомнить, и в первую очередь то открытие, которое сделал в конце концов М. Хайдеггер по поводу возможностей «языка поэзии». На примере поэзии Гёльдерлина (не самый удачный, правда, выбор со стороны маэстро) он показал, что поэтическое слово является подчас единственным вариантом выразить истину. В случае феномена «любви» это очень даже похоже на правду. Возможно, явления, которые «самоценны» и по природе своей не обусловлены «гетерономными обстоятельствами» и такими же «целеполаганиями», как раз и требуют именно возвышенного языка, меньше всего стремящегося объяснить такие явления (опять же *любовь*) ссылкой на эмпирическую причинность типа «*почему и для чего*» — почему и для чего люди влюбляются. (См. также (Федотова 2016).)

Любовь победила брак

Природа знает, зачем люди соединяются парами. Впрочем, не все млекопитающие для размножения вступают в «брачно-парные» отношения. У людей помимо этого задания от природы еще и своя правда и резоны держаться за традицию и институцию брака. Долгое время именно нужда и бедность заставляли искать спасение в браке. Народная мудрость на всех языках мира говорит одно и то же: «Зачем люди женятся? — Для щей люди женятся, для мяса замуж идут». Одним словом, «горе женился, нужда замуж идет». Иначе говоря, бедность спасается от бедности через объединение в маленький супружеский коллектив. При этом и в те годы, которые отмечены этими горькими и вынужденными признаниями, слышатся утешительные советы по поводу так и не могущей состояться настоящей любви: «Стерпится — слюбится», «С лица не воду пить» и проч. Но интересно, что и эта философия «утешения» и «покорности» в браке встречает сопротивление в лице самой природы любви как таковой: «Так сказала мне одна женщина: „да, я нарушила брак, но прежде брак сломал меня“» (Ф. Ницше). Сказать, что любви неуютно в браке — это то же самое, что сказать, например, что «ребенок» оказался не у тех «родителей»,

у «родителей», не соответствующих своей сущности. И понятно, что это не вина «ребенка». Это сравнение позволяет понять, что субъекты любви не калькулируют и не выбирают «среду обитания» для своего чувства. Более конкретно можно выразиться и так: «влюбленные» не знают (вариант: даже не желают знать), как сложатся их отношения в браке и далее в семье. Люди просто влюбляются друг в друга. И этим все сказано о сущности любви как самостоятельной стихии. А вот «среда обитания» может и отвергнуть эту любовь (Ромео и Джульетта, Пьер Абеляр и Элоиза, равно как Тристан и Изольда, если угодно).

Любовь может самоутверждаться не обязательно на грани драматической или трагической развязки. Рутинная повседневность может быть ее судьбой. Романтическая любовь может трансформироваться в миролюбивую и задушевную брачность. Но и в этом случае тоска по любовному дебюту будет часто искажать восприятие прелестей тихого супружества. Как пел Александр Вергинский: «Я был против. Начнутся пеленки. И зачем свою жизнь усложнять?...» Более того, поиски «новой» любви, предполагающие нетрудное расставание со «старой», могут стать увлекательной «профессией» у «вечных Казанов». Запомнилось недавнее признание одного российского драматурга, прекратившего свой брачный марафон, кажется, на шестом супружестве: «Я этим делом начал заниматься довольно рано». Подобная история, впрочем, совсем не исключительный случай. Сюжет этот типичен не только для «артистичного» и всякого «творческого бомонда», не обремененного суровой нуждой, равно как моральными и религиозными соображениями. Мир крупного бизнеса отмечен аналогичной одержимостью в обретении «новых любовей». Этот феномен получил заслуженное название «трофейных жен».

Как этого ни парадоксально звучит, здесь мы сталкиваемся ни с чем иным, как доказательством «силы любви». К ней причастны все: и «жертвы» этой силы, и те, кто злоупотребляет ею в своих интересах. Как отмечают отдельные авторы, «с каждым годом в нашей стране растет количество „брачных аферистов“» (Алферова, Дементьев 2015).

Несмотря ни на что, люди верят в любовь. И будут верить в нее впредь. «Доказательство от противного»: слово LOVE действует магически, даже если оно существует в потенциально вирусных программах, дрейфующих в Интернете. Так и случилось в 2000 г. Программисты на Филиппинах создали программу-червя ILOVEYOU. В общей сложности она поразила более 55 млн компьютеров по всему миру. Люди открывали такие сообщения с надеждой и ничего не подозревая. Предполагаемый ущерб, который червь нанес мировой экономике, оценивается

в размере до 15 млрд долларов, за что вошел в Книгу рекордов Гиннесса как самый опасный компьютерный вирус в мире.

В среде «вольнолюбивых» сторонников именно «любви без брака» существует убеждение, что брак и семья, с одной стороны, и «состояние» влюбленности находятся в системе несовпадающих логик. В этом есть своя правда. Возьмите в свидетели Вл. Маяковского, о котором В. Шкловский сказал, что поэт все время хотел оставаться «семнадцатилетним влюбленным» (и когда понял, что это невозможно, то ушел из жизни). Действительно, большего противника ординарной повседневности, опошляющей человеческую любовь, трудно найти: «Любовь заменяете чаем? Любовь заменяете штопкой носков?» Язвительный язык народной афористики давно высказался на этот счет: «Женись за день до смерти — наживешься!» И все-таки это не вся правда. История любви, увиденная в онтологическом разрезе, увиденная в цивилизационной перспективе, — это история непотопляемости феномена «влюбленности».

Любовь победила брак — продолжение

Вернемся снова к тому, о чем уже было сказано: долгое время любовь (состояние влюбленности) плохо корреспондировалось с браком. Решение вступать в брак было чаще всего продиктовано не любовью. Для одних (бедные, нуждающиеся слои населения) брак оставался средством увеличить численный состав трудящейся семьи, для других (господствующих и властных элит) — средством решения финансового укрепления своего положения, равно как и достижения династично-политических целей.

Совсем по-другому выглядит соотношение феноменов «любви и брака» в эпоху «постдефицитного существования», в эпоху, когда ширящийся «институт демократии» свел систему дворянских и династических титулов к чистому символизму. Впервые появляется *возможность* для любви не приносить себя в жертву «внешним обстоятельствам». Впервые появляется *возможность* решать свои проблемы не за счет любви. Впервые появляется *возможность*, когда «любовь обменивается только на любовь». Какие бы мотивы, например, ни вели к браку, любовь как доминирующий мотив оказывается вне конкуренции.

Начинающееся время «триумфа любви» надо понимать, впрочем, без излишней экзальтации. Сегодня мезальянс (неравный брак, он же брак по расчету) никуда не делся. Он даже по-своему «легитимизирован» в том смысле, что не сильно осуждается по моральным критериям, как

раньше. Теперь «предательство в любви» чаще всего имеет место не по причине бедности и бесперспективного существования любого из влюбленных (большей частью женщин). Нищета сегодня не главный мотив отказываться от любви. Лейтмотив в основном лежит в стремлении оказаться в зоне заметно более высокого престижа, комфорта, обеспеченности, «сладкой жизни» и т. д. А угрызения совести снимаются по-фрейдистски, «защитным механизмом», полным модной самоиронии и цинизма. Как поведала одна американская молодая актриса: «Прежде чем выйти замуж за миллионера / миллиардера, я влюблена в него».

Но как бы ни трактовать эти обескураживающие эпизоды «реальности» (в кавычках), социологи отмечают, что выбор брачного союза у молодежи в развитых странах все в большей степени мотивирован именно любовью.

На этот счет существует множество социологических исследований разной масштабности и разной «локализации», но суть одна: принимая во внимание всю условность данного выражения, можно согласиться, что как ведущий мотив «любовь повсеместно побеждает брак». Об этом пишут отечественные авторы: «Чаще всего молодежь на первое место ставит любовь (72%). Молодые люди руководствуются чувствами, взаимным доверием, идеализируют своего партнера. Прежде всего, это свидетельствуют о том, что в молодежной среде доминирует романтическая модель брака» (Насобина 2017). Аналогичную картину фиксируют зарубежные исследователи: «Американцы считают, что любовь — главная основа брака. Большинство тех, кто никогда не был женат, говорят, что хотели бы сделать это в какой-то момент своей жизни. Романтический идеал брака находит отражение в данных опросов, которые показывают, что американцы, чаще выбирают “любовь” в качестве причины для брака, чем любой другой фактор. Любовь одерживает верх над “принятием пожизненных обязательств”, а также “дружескими отношениями”, “рождением детей” и “финансовой стабильностью” как очень важной причиной для брака».

Одним словом, это надо так понимать, что, хотя опрашиваемые люди и допускают существование сегодня браков не по причине настигшей и обрушившейся на них (на людей) любви / влюблённости, сами они выбирают в подавляющем большинстве эту самую влюблённость / любовь как лейтмотив вступления в брак.

Здесь остается только добавить, что наиболее убедительно, более чем подробно эту тему сегодня развивает американский социолог и писательница Стефани Кунц, которой, собственно, принадлежит эта формула: «Любовь победила брак», прописанная в работе «История

браха: как любовь победила брак» (Coontz 2006), которую «Вашингтон пост» признала одной из лучших книг 2006 г. Если тезисно, то С. Кунц считает, что брак появился из-за потребности в сотрудничестве. Брак как форма сделки был распространен не только среди знати, простые люди объединяли свое нехитрое добро, чтобы успешнее справляться с грозящей бедностью и ударами судьбы. Любовь же как таковая выносилась за скобки. Любовь в браке — это относительно недавнее явление. И при этом, похоже, необратимое. Шансы на возврат браку его экономических функций, ориентированных на материальное выживание, и регулятивно-принудительной силы в сфере поведения супружеских супругов сегодня, по мнению С. Кунц, равны нулю.

Примерно в этом же духе, но с претензией, собственно, на теоретико-социологическую трактовку любви / «интимности» говорил в 1990-е гг. и Э. Гидденс.

Гидденс: любовь с точки зрения теории «чистых отношений»

Как считает этот известный английский социолог, сегодняшнее восприятие сексуальных отношений в более широком регистре, чем только как гетеросексуальных, не следует рассматривать исключительно как дань либеральной толерантности. Это прямое следствие отделения секса от продолжения рода. В эпоху «поздней модернити» секс эмансипировался от указанной «сверхзадачи».

«Семья перестала быть экономическим объединением, и на смену „экономическому соглашению“ в качестве основы брака пришла идея романтической любви» (Гидденс 2004: 73). Здесь читатель, думается, обратил внимание на то, что Э. Гидденс, анализируя тему «трансформации интимности», вместо слова «любовь» употребляет слово «секс». И это правильно, но до того момента, пока автор не говорит, какие возможные превращения поджидают «секс» в новых условиях сегодняшней «поздней модернити». Здесь у «секса», повторим, появляются реальные возможности трансформации до состояния «романтической любви». Именно любви!

Да, секс как эротическая практика в эпоху постмодернизма тоже «трансформируется»: это и практика «свободной любви» (с ее дерзким лозунгом 1960-х «Любить запрещается!»), и «декомпозиция» брачного секса в экзотических комбинациях — те же свингеры и проч., и «секс по дружбе», «секс без обязательств», и вообще, не говоря уже о «сексуальном плюрализме» не только в гетеросексуальных практиках.

Но это не та мысль, которую хочет донести до нас Э. Гидденс. «Интимность» в наше время массово и свободно имеет счастье быть «романтической любовью». Слово это произнесено, и реальность, стоящая за этим словом, признана!

Традиционный же брак автор рискнул даже назвать «институтом-пустышкой». Не умаляя, впрочем, никакую традиционную природу и «telos» брака, а имея в виду прежде всего как бы его «новое наполнение» (которое «раньше» имело мало шансов на полноценное присутствие в браке), Э. Гидденс поясняет свою мысль относительно «институтов-пустышек»: названия-де у них прежние, а основное внутреннее содержание изменилось.

Наряду с этим Э. Гидденс предлагает социологическому сообществу любопытный концепт, именуемый идеей «чистых отношений». Взгляд этот, похоже, до сих пор остается недооцененным и не получившим, кажется, своего дальнейшего развития. А зря. Попробуем пояснить сказанное Э. Гидденсом.

В самом деле, система большинства человеческих отношений характеризуется своим pragmatizmom, а точнее сказать, своей функциональностью, своей «интенциональностью». Например, смысл «экономических отношений», согласно классическому марксизму, быть условием развития, процветания «производительных сил» общества. Если этого не происходит, то судьба таких «экономических», а отчасти и «социальных» «отношений» печальна, они исчезают с исторической сцены. Но есть и такие человеческие феномены и «состояния», в нашем случае, можно сказать, «отношения» любви / влюбленности (опять же дружбы), которые «никому не служат». Они самоценны, они цели для самих себя. Впрочем, предоставим слово самому Э. Гидденсу.

В частности, в своем фундаментальном сочинении он пишет: «Выбор партнера по интимной связи или брачному союзу определяется теперь не логикой экономической целесообразности или соображениями социального престижа, а сексуальными и эмоциональными соображениями. Поэтому отличительной чертой „чистых связей“ является их самоценность. Чистые отношения складываются в ситуации, когда в социальные отношения вступают ради их самих» (Гидденс 2011: 63).

Выше уже говорилось, что вместе с тем было бы наивно представлять этот пейзаж романтической любви в современном обществе как ее «триумфальное шествие». На самом деле у «романтической любви» и сегодня много старых и новых врагов, или помех, если хотите. В заключении статьи немного об этом.

Препятствия на пути к «романтической любви»

«Влюбленность и ее лечение». — Как это ни странно, «влюбленность» продолжает трактоваться некоторыми авторами как «болезнь». Попробуем проиллюстрировать это на конкретном примере. В работе Н. Козлова, кандидата философских наук, доктора психологических наук, читаем: «Склонность влюбляться говорит, скорее, о детских чертах личности, а в некоторых случаях и неврозе» (Козлов 2012: 240).

Прокомментируем сказанное. Диагноз «невроз» говорит сам за себя. Это полная дискредитация состояния «влюбленности» и такое же полное отрицание подлинного смысла феномена «влюбленности», о чём уже раньше приходилось говорить в связи с разбором очерка М. Крашенинникова «Влюбленность и ея лечение» (Юрьев, 1899) и аналогичных циничных и прагматичных оценок в духе «любовь — занятие бездельников».

Отдельно надо сказать и об «сокрушительном» суждении упомянутого автора о том, что якобы «склонность влюбляться говорит о детских чертах личности». Читатель, привыкший не так подозрительно и непримиримо относиться к «детским чертам личности» как таковым, будет ошеломлен. Оказывается, упомянутый доктор психологических наук, он же автор-коуч практического курса «На крыльях любви, или Как делать семью», считает, что если человек проявляет «склонность влюбляться», то получается, что этот человек «впадает, как в грех, в детство», т. е. недостойную человека неадекватность «инфантализма». Странная логика. Призыв одного легендарного автора «будьте, как дети» меньше всего похож на злонамеренное стремление ввести человечество в заблуждение и воспользоваться этим заблуждением в интересах узкого круга лиц. Еще меньше оснований обвинять и другого автора в крупной неадекватности. Речь идет об апологии детства в хрестоматийной цитате Маркса о том, что взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребенку правду?

К чему приводит гиперрациональный, он же откровенно прямолинейный «прагматический», а пуще «культуррабельный» подход к феномену «влюбленности», можно видеть в еще одном курьезном доводе, который приводит доктор психологических наук и автор книги «На крыльях любви, или Как делать семью?». Не откажем себе в удовольствии и приведем этот отрывок практически целиком: «Сидят он и она у подъезда, пиво посасывают. Он ей: „Слыши, Юльк, тут такая фигня

приключилась... Короче, блин, я, похоже, на тебя запал...“ Она: „Не говори, Ромка, у меня такая же байда...“ Снисходительно-ироническая, если не «культурно»-высокомерная реакция нашего автора угадывается уже с самого начала — в самой лексике описания двух «молодых неандертальцев». Но интересно, собственно, другое — а если посмотреть на эту ситуацию именно с позиций всесильности любви, перед которой действительно не могут устоять даже «добровольные неандертальцы» наших улиц, подворотен и чердаков, знающие любовь в доступной им форме — в форме, скажем так, «языческого» сперматоза.

Если влюбленность перешагивает через все препятствия социального, этнического, культурного порядка, то почему описанные «ново-явленные неандертальцы» не могут пасть жертвами непонятной еще для них «романтической любви»? Любовь побеждает не только брак. Ей под силу противник и посильнее — «децивилизованный» субъект, не исчезающий даже на стадии «цивилизации».

Когда все тот же автор с дидактической непоколебимостью говорит, что «до любви нужно дорасти, любовь, как отражение культуры, надо в себе еще воспитать, [что] влюбиться проще — тут много ума не надо...», то почему-то вспоминается одна история. Однажды в Ясной Поляне Лев Толстой разговаривал с Максимом Горьким неизвестно о чем. Возможно, и о человеческой способности к любви. Если это так, то Л. Толстого что-то насторожило в словах Горького. Результатом было высказанное вслух сомнение Толстого, «было ли у Горького детство». Зная о почти недетерминированной тяге к «влюбленности» в детстве (со всеми ее последствиями во взрослой жизни), то думается, что одним из комментариев к позиции обсуждаемого автора мог бы быть толстовский вопрос к великому «пролетарскому» писателю, а «было ли у такого человека детство?».

Наш автор везде гнет свое: «Индикатор любви таков: когда голова нормальная, светлая, работает хорошо и со здоровьем все нормально — я не влюблен, а если что-то с разумом моим стало и со здоровьем нелады — значит, влюбился [...] Да, страдать приятно, но сколько времени вы разрешите себе выкинуть на это? Есть простая жесткая проверка: „А если начнется война? Вы будете тогда заниматься делом или продолжите страдать?“ Страдания цветут до тех пор, пока есть возможность побездельничать» (О да, мы еще не забыли: «Любовь — занятие бездельников!») И наконец. Когда опытный и чуткий в теме «романтического дебюта любви» читатель прочтет резюме нашего специалиста по устроению «семейного счастья» («Счастливыми семейные отношения должны стать не на основе любви, а на основе их строительства на разумной почве!»),

то этот гипотетический читатель, возможно, согласится с мнением, что такой брак и «побеждать» не нужно. Такой брак не про любовь и романтическую влюбленность. Впрочем, скажем и так: для жанра коучинга в сочинении нашего автора много психологически верного, а вот для онтологического осмыслиения любви — жидкотекущее.

Если молодость — это время любви, то откуда появились молодые «асексуалы»?

От поставленного вопроса не уйти. В самом деле, если любовь — сущностная характеристика человека, то, по-видимому, всякое изменение, происходящее с феноменом «любви», должно отражаться и на сущностном существовании человека и того института брака, в котором любовь всегда хотела найти и сохранить свое местопребывание.

Да, любовь (тем более в ее апогее как романтическая любовь) — это категория, которая несет в себе «функцию» идеала, нормы, проекта, надежды, в которой («функции») отражена гуманитарная, социальная, настоящая, одним словом, онтологическая природа человека, — и которая («функция») вступает в свои права исторически, на стадии Культуры и Цивилизации в собственном смысле слова. Субъект романтической любви — это человек, вступающий в полосу своих полноценных человеческих возможностей. Она спутник и хранитель «человеческого» в человеке. И до той поры, пока это происходит, любовь (во всем своем диапазоне, от сексуальной до романтической) остается не только «индикатором» цивилизационного благополучия социума, но и в качестве важнейшей ценности «самой по себе» гарантом культурного благополучия этого социума.

Вот почему!.. Вот почему всякие «препятствия», встающие на пути к (романтической) любви, поневоле должны порождать у социологов род «онтологического алармизма». Иначе говоря, откуда «растут ноги» у этого неожиданно странного феномена «асексуальности» как новой социальной значимости? В этом совокупном мотиве «асексуальности» можно найти следы нескольких факторов и трендов.

«Асексуалы». — В «современном» «техноцентричном», «искусственно-цифровом» и т. д. обществе субъект ориентируется на мир «объективных средств» настолько в большой степени, что есть риск, что сам становится таким «средством». И в своей психологической идентификации и социальной самооценке готов видеть в этой «объектности» свое чуть ли не высшее достижение. У такого «техноцентричного» человека утрачена «субъектность», утрата «себя как субъекта» налицо. Что

это такое, лучше спросить у Канта и просветителей, а еще лучше, может быть, у Гегеля, который с мудрой настойчивостью рекомендовал рассматривать «предметы» и «сущности» именно как «субъекты». Человек же, сам и добровольно превратившийся в «объект», — это — пользуясь названием одной известной книги, — не что иное, как «человек без свойств», или, как сейчас говорят, легко перешагивая границы литературной нормы, зато ближе к нашей теме сексуальности, «человек без мужских достоинств» (назвать которые автору мешает допущение, что среди читателей этой статьи могут быть и дамы).

«Асексуальное поколение» растет своей привязанностью к миру «мягких, soft-технологий», но при этом эта генерация далека и от пафоса «пионеров», «дизайнеров», «тружеников моря» (Гюго), полного все еще романтизма технических открытий и изобретательства. Они суть «пользователи», «потребители», одушевленные «приложения» — «приложения», гуляющие и скачиваемые в Интернете. Ироническое отношение к «асексуальному поколению» присутствует в его ставшем легендарном названии — «ботаники»¹.

Вывод тоже как бы напрашивается сам собой: ни активное, ни потребительское присутствие в мире научно-технического прогресса совсем не требует такого жертвоприношения «своей самости», «своей сексуальности». Пастернаковское «Но быть живым!» — это не только про ритуально повторяющую себя и окучлившуюся в себе личность. Это и про наши недорогие искушения в нашем «новом и смелом» мире техноцифры: можно и без сексуальности. Даже так и лучше! Даром что молодые.

Современные социологи, кажется, почувствовали всю подноготную этого «асексуального поколения». Внешняя или фактическая сторона феномена выглядит довольно банально. Говорят, что движение асексуалов появилось в США по инициативе компьютерщика Дэвида Джая. Он задался целью организовать сообщество сторонников платонической любви, создал сайт Asexuality Visibility and Education Network. Популярность этой сети растет. Всего же в мире, по подсчетам экспертов, более десятка миллионов противников плотской любви. Есть организация — Международное антисексуальное движение. В декларации о целях этой международной организации сказано: «Мы аксессуалы и антисексуалы. [...] Нас объединяет негативное отношение к сексу. [...]»

¹ Вспоминается грибоедовская классика жанра как раз про это «чуждающееся женщин и любви» поколение. В «Горе от ума» злая и наблюдательная старуха Хлесткова сообщает о своем молодом родственнике: «От женщин бегает, и даже от меня! // Чинов не хочет знать! // Он химик, он ботаник. // Князь Федор — мой племянник».

Наш идеал — мир, свободный от похоти, мир разумных вещей; мир, где людьми движет разум, а не половые органы» (Жаров 2011: 74).

Говорят вслед за классиками, что история повторяется дважды. Сначала в виде трагедии, потом — фарса. Наша «асексуальная история» до трагедии едва ли дотягивает. А вот на фарс может и потянут. Во всяком случае, для ее описания многих наблюдателей чистосердечно тянет перейти на язык откровенного сарказма: «Секс стал слишком сложен для современного человека, достаточно опасен, отвлекает от более важных занятий, подрывает материальное благополучие и должен быть отодвинут на периферию человеческой деятельности, где существуют еще люди, не бросившие курить и потреблять алкоголь. В понятие здорового образа жизни секс, таким образом, явно не вписывается и может быть терпим лишь как пережиток части неразумного человечества» (Жаров 2011: 76).

Ту же стилистику мы чувствуем, когда читаем, например, впечатления российского социолога Полины Арнасон от «асексуального» ОБЖ-поколения, которое в аббревиатурном варианте именуется «поколением Z», а в своей самоидентификации, возможно, претендует на звание «наше все».

Полина Арнасон говорит о «новом викторианстве», когда люди создают семью или отношения скорее для того, чтобы эмоционально не тратиться. Это такая эмоциональная экономика, крайняя стадия которой — вообще не вступать в отношения, сидеть в своей кубышке и холить и лелеять травму. Легкий вариант подразумевает «плюшевые» отношения, когда вы вместе смотрите милое кино, варите глинтвейн — и даже сексом можно в принципе не заниматься². Особенно если догадываться, что это не только «самоудовлетворение», но и «удовлетворение другого». А еще «старая песня» радикального феминизма и гендерных либералов о не-прикосновенности «границ чужого»? С таким идейным багажом лучше действительно «сидеть у себя в домике»: самосохранение «превыше всего»! И раз уж заговорили про «идейный багаж»...

За подобным откровенно «технократическим брендом» «асексуального», равно как и суперискусственного сексуального будущего» стоит мир реальной и проблематичной современности. Капитализм процветает, а общество деградирует.

(продолжение следует)

² Аронсон П. Анна Каренина для них — психически больная. — URL: <https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/1562387-rationalism> (дата обращения: 12.06.2025).

Источники

- Алферова Ю. О., Дементьев О. М. Проблемы квалификации брачного мошенничества // *Science Time*. — 2015. — № 3 (15). — С. 22–26.
- Аронсон П. Анна Каренина для них — психически больная. — URL: <https://mel.fm/vospitanije/psikhologiya/1562387-rationalism> (дата обращения: 12.06.2025).
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004. — 116 с.
- Жаров Л. В. Феномен уснувшего эрота в современной русской культуре (асексуальность как наше будущее) // Гуманитарные и социальные исследования. — 2011. — № 3. — С. 73–84.
- Климова С. В. Социальный феномен любви // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 79–88.
- Козлов Н. На крыльях любви, или Как делать семью. — М., 2016. — 256 с.
- Краиценинникова М. Н. Влюблённость и ея лечение в древности и теперь. — Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1899. — 26 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 томах (10 книгах). — Т. 3: Марксизм. — М., 1985. — 638 с.
- Насобина Е. Мотивы и факторы брачного выбора молодежи // Российское общество: история и современность: Сборник научных трудов. — Вып. 11. — Екатеринбург: РГППУ, 2017. — С. 48–51.
- Федотова Е. Ю. Онтологическая сущность поэзии в философии М. Хайдеггера // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. — 2016. — № 3 (33). — С. 16–22.
- Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 1, 676 с.; Т. 2, 943 с.
- Coontz S. Marriage, a History: How Love Conquered Marriage. — London: Penguin, 2006. — 448 p.

Сведения об авторе

Шёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
evropa.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5239-0341
SPIN: 9033-2946

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 29.09.2025;
принята к публикации: 31.10.2025.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of FCTAS RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

LOVE: A SOCIOLOGICAL ESSAY ON HOW “LOVE CONQUERED MARRIAGE”

Abstract. The article describes the problem of sociology’s “blind spot” — its inability to adequately grasp phenomena such as love when approached exclusively from functionalist perspectives that reduce them to social roles or instrumental functions. The author argues that love is an intrinsically valuable, non-instrumental phenomenon, whose true nature eludes analyses focused on “utility” or “social function.” Drawing on Kant’s imperative that human beings must be treated as ends in themselves, not merely as means, the paper emphasizes the need for a non-reductionist theoretical approach to studying love within sociology. The author demonstrates that, in the contemporary world, love no longer merely accompanies marriage but has effectively “conquered” its traditional institutional functions. At the same time, the article notes a persistent ambivalence: alongside the romantic ideal, pragmatic models of marital choice continue to exist, although their social legitimacy is declining.

Keywords: love, marriage, sociology, intimacy, romantic ideal

For citation: Shchelkin A. G. Love: A Sociological Essay on How “Love Conquered Marriage”. *St. Petersburg Sociology Today*. 2025. No 30. P. 78–98. DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.zecd-et62; EDN: HACZXB

References

- Alferova Yu. O., Dementyev O. M. Problems of qualifying marriage fraud. *Science Time*, 2015, no. 3 (15), pp. 22–26. (In Russ.)
- Arnason P. *Anna Karenina is mentally ill for them*. URL: <https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/1562387-rationalism> (accessed: 12.06.2025).
- Coontz S. *Marriage, a History: How Love Conquered Marriage*. London, Penguin, 2006, 448 p.
- Fedotova E. Yu. The Ontological essence of poetry in the philosophy of M. Heidegger. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7, Philosophy*, 2016, no. 3 (33), pp. 16–22. (In Russ.)
- Feuerbach L. *Selected philosophical works (in 2 volumes)*. Moscow, Gospolitizdat, 1955, 1618 p. (In Russ.)
- Giddens E. *The elusive world: how globalization is changing our lives*. Moscow, Ves Mir Publishing House, 2004, 116 p. (In Russ.)
- Klimova S. V. The social phenomenon of love. *Sociological Studies*, 2009, no. 9, pp. 79–88. (In Russ.)
- Kozlov N. *On the wings of love, or how to start a family*. Moscow, 2012, 256 p. (In Russ.)

Krasheninnikov M. N. *Love and Its treatment in ancient times and today*. Yuryev, K. Matthiesen Printing House, 1899, 26 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. *Selected works in 9 volumes (10 books)*. Vol. 3, Marxism. Moscow, 1985. 638 p. (In Russ.)

Nasobina E. *Motives and factors of young people's marital choice. Russian Society: History and Modernity*. Yekaterinburg, RSPPU, 2017, pp. 48–51. (In Russ.)

Zharov L. V. The phenomenon of dormant eros in contemporary Russian culture (asexuality as our future). *Humanitarian and Social Studies*, 2011, no. 3, pp. 73–84. (In Russ.)

Information about the author

Shchelkin Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher, The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation.

evropa.ru@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5239-0341

SPIN: 9033-2946

Received: 15.09.2025;

revised after review: 29.09.2025;

accepted for publication: 31.10.2025.